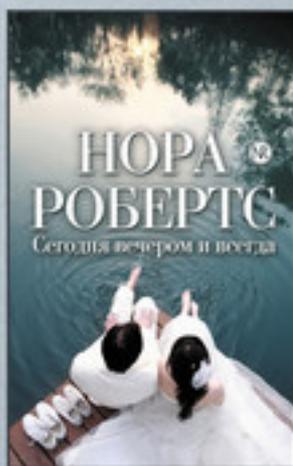

Нора Робертс

Любовь в вечерних новостях

*Часть сборника
Сегодня вечером и всегда
(сборник)*

Нора Робертс
Любовь в вечерних новостях

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129054
Сегодня вечером и всегда / Нора Робертс: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61115-7

Аннотация

Оливия Кармайл, журналистка телекомпании Си-эн-си, жаждала только сенсаций и карьерного роста, но нашла любовь...

Содержание

1	4
2	12
3	21
4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нора Робертс

Любовь в вечерних новостях

1

Оливия Кармайкл, журналистка, пробившаяся в столичное отделение Си-эн-си из провинции, пребывала не то чтобы в унынии, здесь этого не полагалось, но в каком-то подвешенном состоянии. Слишком долго среди поступающих новостей не было настоящей сенсации или по крайней мере того, из чего ее можно создать.

«Компетентные источники сообщают о скором уходе Джорджа Ларкина с поста госсекретаря. После тяжелой операции на сердце состояние здоровья господина Джорджа Ларкина не позволяет ему выполнять свои обязанности.

Стэн Ричардсон с места событий».

На мониторе погасли последние строчки, и Ливи, как звали ее в телецентре многие, резко повернулась:

– Ух ты, Брайен, это может стать главным хитом новостей. Такого не было, пожалуй, с прошлого октября, когда разразился скандал с Мэллоу. Ты только представь, на место Ларкина по крайней мере пять претендентов. Начнется настоящая свара!

Брайен Джонс, афроамериканец лет тридцати пяти, одевавшийся всегда броско, но со вкусом, работал в отделе последних новостей уже десять лет, и весьма успешно. Брайен вырос в Квинсе, но считал себя коренным вашингтонцем. Выглядел он вальяжно, взгляд с ленцой, но вид этот был обманчив.

Он пробежал глазами список новостей, которые шли в эфир.

– А тебя хлебом не корми, дай только ввязаться в хорошую свару.

– Еще бы! – азартно воскликнула Ливи и повернулась к камере, услышав контрольный сигнал.

– Президент сегодня никак не комментировал возможность замены господина Ларкина на посту госсекретаря. По мнению одного из видных государственных чиновников, главными кандидатами на этот пост являются Бомонт Делл, бывший посол США во Франции, и генерал Роберт Дж. Фицхью.

Ни с одним из них пока не удалось связаться для интервью.

– Молодой человек двадцати пяти лет был найден убитым в собственной квартире в Северо-Восточном округе Вашингтона, – перехватил инициативу Брайен.

Ливи слушала вполуха, быстро прикидывая в уме возможные шансы каждого из кандидатов. Ее выбор остановился на Делле. Его помощники сегодня дали ей от ворот поворот. Но ведь есть еще и завтра. Будучи репортером, она привыкла к беготне без результата, долгим часам ожидания и разучилась обижаться, когда вожденная дверь захлопывалась прямо перед носом. Но ничто на свете, поклялась она себе, не помешает ей взять интервью у Делла. Такой шанс она не упустит. Снова раздался сигнал, и Ливи повернулась к третьей камере.

В своих домах телезрители увидели голову и плечи элегантной брюнетки. Голос у нее был низкий, речь казалась неторопливой. Они даже представить себе не могли, с какой эффективностью она использовала свои минуту и пятнадцать секунд. Они видели только красивую женщину и верили в искренность ее слов, что очень важно в телевизионной игре.

У Ливи была короткая стрижка, и волосы ложились скульптурно правильными локонами вокруг тонко вылепленного лица. Глаза светло-голубые и серьезные. Взгляд – прямой. И каждый телезритель верил, что она обращается непосредственно к нему. Ее внешность и манеру находили превосходными, хотя чуть-чуть холодноватыми и строгими. Ливи

устраивало положение телеинформатора в отделе новостей в паре с Брайеном. Как репортер, однако, она хотела добиться гораздо большего.

Кто-то ей сказал, что у нее «очень уважаемая внешность». Оливия действительно принадлежала к состоятельной семье из Новой Англии, училась в Гарварде и получила там ученую степень. Как говорится, все при ней. Однако ей пришлось пробиваться наверх весьма окольными путями. Работала репортером на крошечной телестудии в Нью-Джерси с мизерным жалованьем, читала сводки погоды, давала информацию по купле-продаже.

Затем обычный марафон от станции к станции, из города в город – здесь чуть больше денег, там чуть больше эфирного времени. Наконец она осела в Остине, в одном из отделений Си-эн-си, и за два года добралась до места ведущей теленовостей. Тут была капелька везения – награда за труды. Ей предложили вести новости в вашингтонском отделении Си-эн-си, округ Колумбия. О, можете не сомневаться, она ухватилась за это предложение обеими руками. Ее ничто не связывало ни с Остином, ни с каким-либо другим городом в необъятной Америке.

Ливи хотела сделать себе имя, и Вашингтон был для этого самым подходящим местом. Она не гнушалась черной работы, хотя ее хрупкие, узкие кисти и тонкие пальцы выглядели так, будто привыкли иметь дело только с нарядами и драгоценностями. Кроме кожи цвета сливок и патрицианских черт несколько надменного лица, она обладала живым, цепким, острым умом. Она обожала скоростной темп новостей, но сохраняла при этом невозмутимый, отстраненный вид. Последние пять лет Ливи работала день и ночь, чтобы сделать видимость реальностью.

«В двадцать восемь лет, – сказала она себе, – можно покончить с сердечными бурями». Ей нужен только профессиональный успех. Друзья, которые у нее появились за полтора года работы в Вашингтоне, имели самое смутное представление о ее прошлой жизни. Свои личные проблемы Ливи держала за семью замками.

– С вами была Оливия Кармайл, – произнесла она в камеру.

– И Брайен Джонс. Оставайтесь на нашем канале. Новости со всего мира от Си-эн-си. – Быстро отзвучала музыкальная заставка, красная лампочка на камере погасла. Ливи отколола микрофон и встала из-за полукруглого стола, за которым они читали новости.

– Классное шоу, – заметил оператор, когда она проходила мимо. Над головой погасли спящие жаркие лампы. Ливи улыбнулась. Улыбка всегда преображала ее холодную, лощеную красоту. И она это частенько использовала с немалой выгодой для себя.

– Спасибо, Эд. Как твоя девушка?

– Готовится к экзаменам. – Эд стащил с головы массивные наушники. – Так что времени для меня у нее остается не слишком много.

– Зато будешь ею гордиться, когда она получит аттестат.

– Ага. Да, Ливи. – Он несколько смутился. – Знаешь, она просила меня узнать... – Эд от неловкости как-то сбился и замолчал.

– О чем?

– У какого парикмахера ты причесываешься? – выпалил он и, отвернувшись, стал протирать камеру. – Ну сама понимаешь, женский пол...

Ливи засмеялась и похлопала его по руке.

– У Армана на Висконсин. Пусть сошлется на меня.

Ливи быстро зашагала вверх по лестнице и извилистыми коридорами напрямик в информационный центр. Там было шумно. На смену дневной заступила вечерняя смена.

Репортеры, расположившись непринужденно, пили кофе. Другие яростно стучали на машинках, чтобы успеть с материалами к одиннадцатичасовым «Новостям». Пахло табаком, немного потом и вечным, не переводящимся в этих стенах кофе. Телеэкраны беззвучно демонстрировали программы, идущие по всей стране. На одном из них уже светилась зна-

комая заставка «Новостей Си-эн-си». Ливи стремительно прошла к стеклянной перегородке офиса директора отдела новостей.

– Карл! – Она просунула голову в дверь. – У тебя найдется для меня минутка?

Карл Пирсон навис над столом, скрестив руки и уставясь на телеэкран. Очки, однако, были засунуты под пачку бумаг. На стопке файлов перед ним балансировала чашка с остывшим кофе. Между пальцами была зажата горящая сигарета. Он что-то проворчал, и Ливи вошла, зная, что ворчанье означало согласие.

– Хорошее шоу, – сказал он, не сводя взгляда с двенадцатидюймового экрана. Ливи села и стала ждать, когда начнется рекламная пауза. До нее доносился скрипучий, жесткий голос Харриса Макдауэлла, нью-йоркского босса Си-эн-си. Вряд ли Карл услышит ее, когда говорит тяжелая артиллерия.

Оливия знала, что Карл и Харрис когда-то работали репортерами в Канзас-Сити, штат Миссури. Харрису Макдауэлли поручили сделать репортаж о президентской поездке по Далласу в 1963 году. Он оказался в нужное время в нужном месте. Его сообщения об убийстве Кеннеди вознесли Макдауэлла из сравнительной безвестности к самым вершинам. А Карл Пирсон оставался по-прежнему крупной рыбой в тихих заводях штата Миссури. Позже он сменил блокнот репортера на письменный стол в Вашингтоне.

Карл был суровым шефом, точным и неукоснительно требовательным. Если он и ощущал горечь по поводу неудавшейся репортерской карьеры, то скрывал это вполне успешно. Ливи его уважала, более того, она его понимала. Сколько разочарований довелось испытать ей самой, кладя жизнь к ногам Ее Величества Сенсации. Мечты о головокружительной славе удачливого репортера – это почти болезнь. Она заразна и неизлечима.

– Что у тебя? – спросил Карл сразу же, как началась реклама.

– Я хотела бы устроить охоту на Бомонта Делла. – Ливи решила брать быка за рога, не тратя времени на предисловия. – У меня уже немало материала на его счет, и, когда его назначат госсекретарем, я хотела бы первой все это озвучить.

Карл, откинувшись назад, сложил руки на брюшке. Лишние пятнадцать фунтов веса он брюзгливо относил за счет того, что слишком много времени проводит за письменным столом. Взгляд, брошенный им на Ливи, был так же прям и бескомпромиссен, как если бы он смотрел на телеэкран.

– Немного забегаешь вперед, а? – сказал он хриплым от многолетнего беспрестанного курения голосом. Он зажег новую сигарету, хотя предыдущая еще тлела в переполненной пепельнице. – А что насчет Фицхью, Дэвиса и Албертсона? Они еще могут поспорить за место с Деллом. А кроме того, Ларкин, по-моему, не объявил о своей отставке официально.

– Но это вопрос нескольких дней, возможно, даже часов. Ты же слышал приговор врача. И преемником будет Делл, я уверена.

Карл чихнул и потер пальцем переносицу. Он всегда ценил интуицию Кармайкл. У нее, несмотря на вид владелицы замка, ум был пронзительный и весьма практический. Но у Карла был небольшой штат, а бюджет напряженный. Он не мог позволить себе послать своего лучшего репортера на черновую работу, когда можно приставить к этому делу кого-нибудь еще.

И все же... С минуту он колебался, потом снова наклонился вперед.

– Да, возможно, дело стоящее, – пробормотал он, – давай послушаем, что на этот счет думает Торп. Как раз сейчас его выступление.

Ливи зашевелилась в кресле, одно это имя вызывало в ее душе бурю протеста. Значит, судьба ее идеи, заметьте, ее собственной идеи, зависит от позиции Торпа, известного всем Ти Си Торпа, который давно уже был ей поперек горла.

– А, черт! – шепотом выругалась Оливия. Но всякие мелочи вроде оскорбленного самолюбия Карл в расчет не принимал. Поэтому она встала, присела на край его стола и замерла в ожидании. «Терпение, знаете ли, не последняя добродетель в нашем деле», – подумала она.

Над ее головой с экрана вещала вашингтонская студия, куда более эффектно оформленная, чем та, которую она только что оставила. Но, согласитесь, разница между местным и федеральным телевидением – это, по сути дела, разница между местным и федеральным бюджетами. Вот наконец местные новости и сам Ти Си Торп. Ливи стала хмуро его разглядывать.

Пальто у него не застегнуто, несмотря на пронизывающий холодный ветер. Шляпы, конечно, тоже не было. Мужественный Торп во всей красе, что, впрочем, для него типично.

Лицо обветренное, загоревшее, словно у альпиниста, и стремительное, поджарое тело бегуна на дальние дистанции. Надо признать, что профессия репортера требует не меньшей выносливости. А Торп был репортер милостью божией. Его темные пронзительные глаза впивались в собеседника и не отпускали его. Даже дурная погода была ему на руку. Это как бы придавало сообщению неотложную срочность. Манера говорить у него оставалась четкой и неторопливой. На него работало буквально все, и с гораздо большим успехом, чем на других.

Ливи знала, что это человек огромного внешнего обаяния. Его лицо одинаково нравилось и женщинам, и мужчинам. Взгляд внушал доверие. Торп на первый взгляд был прост и понятен, и телезрители охотно прислушивались к тому, что он говорил, пребывая в полной уверенности, что если мир начнет рушиться, то Торп сообщит об этом первым, ничего не скрывая.

За пять лет работы главным корреспондентом в Вашингтоне Торп создал себе завидную репутацию. У него было два главных достоинства: надежность и возможность добывать информацию. Если их у тебя нет – ты не репортер. Когда Торп что-нибудь говорил, этому можно было верить. Если Торпу была нужна информация, он знал, по каким номерам звонить.

Неприязнь Ливи к нему была инстинктивной. Она специализировалась на горячих политических новостях для местного телевидения, Торп был для нее вечным камнем преткновения. Он с яростью сторожевого пса охранял границы своей территории. Торп был коренным вашингтонцем, Оливия все еще пребывала новичком. Каждый раз неизбежно повторялось одно и то же: как только у Ливи наклеивался сенсационный материал, выяснялось, что Торп только что выдал нечто аналогичное. Работоспособность и чутье у него были уникальные.

Ливи потратила месяцы, чтобы нащупать какое-нибудь его слабое место. Черт возьми, приходилось признать, что время ушло впустую.

Одевался он скромно, никогда ничем не отвлекая внимания телезрителя от информации. Его репортажи отличались и глубиной, и язвительностью, но при этом всегда сохраняли объективность. В стиле его работы невозможно было отыскать ни одного изъяна. Ливи могла поставить ему в упрек только некоторое высокомерие, и то тут можно было поспорить.

Сейчас она смотрела, как Торп стоит на фоне ярко освещенного Белого дома и рассказывает миллионам телезрителей о Ларкине. Было совершенно ясно, что Торп беседовал с Ларкином лично, чего Ливи не удалось. А усилия были приложены немалые. Уже одно это было ей против шерсти. Торп перечислил всех кандидатов на освобождающуюся должность. И первым он назвал Делла.

Ливи нахмурилась, а Карл удовлетворенно кивнул за ее спиной: «Да, у нее есть нюх». «Передачу вел Ти Си Торп, Белый дом Вашингтон».

– Скажи в отделе, что я дал тебе задание, – важно провозгласил Карл и жадно затянулся в последний раз. – Бери команду номер два.

– Отлично.

Ливи проглотила обиду, все-таки проклятый Торп повлиял на шефа. Конечно, досадно, что Карл не полностью ей доверяет, но в итоге победа осталась за ней. А значит – ура!

– Пойду подготовлюсь.

– Я жду информацию к двенадцатичасовым! – крикнул ей вдогонку Карл. И переключил канал.

Открывая дверь, Ливи оглянулась через плечо.

– Ты ее получишь, – уверенно заявила она.

Восемь утра. Погодка промозглая. Оливия и ее команда из двух человек торчали у железных ворот особняка Бомонта Делла в Александрии, штат Виргиния. Вопросы для интервью Ливи готовила часов с пяти. Сделав полдюжины звонков накануне вечером, она вырвала у одного из помощников Делла обещание десятиминутного интервью.

– Оливия Кармайкл. Вашингтонская служба новостей, – и она показала пропуск. – Мистер Делл ожидает меня.

Охранник проверил документы, проглядел список и, кивнув, молча нажал кнопку, чтобы открыть ворота.

«Вполне дружелюбный тип», – решила она, снова садясь в машину.

– О'кей, приготовьтесь к тому, чтобы наладить аппаратуру мгновенно.

Фургон тронулся, и она стала нашаривать в сумочке записи, чтобы пробежать их последний раз.

– Боб, хорошо бы заснять панораму дома и ворот на ходу, когда будем уезжать.

– Сделано. – Боб широко ухмыльнулся в ответ на ее улыбку. – Чудненько вышли твои ножки. И немудрено – ты раздобыла себе пару потрясных ног.

– Ты правда так думаешь? – Ливи положила ногу на ногу и критически их оглядела. – Да, ты, наверное, прав.

Ей нравилась его добродушная попытка флиртовать. Боб был неопасен. Счастливый муж, отец двух ребятишек-подростков. Что-нибудь более серьезное немедленно встретило бы с ее стороны решительный отпор. Ливи делила мужчин на две категории: безобидных и опасных. Боб был безобиден. С ним можно вести себя беспечно.

– Ладно, – сказала она, когда их грузовичок остановился у трехэтажного кирпичного дома, – постарайся выглядеть как уважаемый представитель солидной прессы.

Все так же ухмыляясь, Боб высказался не очень прилично, но искренне и пошел к заднему борту фургона.

У входной двери Ливи надела маску холодной отстраненности. Теперь никто бы не посмел обсуждать красоту ее ног. Во всяком случае, в полный голос. Она коротко постучала. За ее спиной стояли наготове со своим оборудованием операторы.

– Оливия Кармайкл, – громко назвалась она горничной, открывшей дверь. – С визитом к мистру Деллу.

– Прошу, – и горничная с легкой гримаской неодобрения оглядела ее джинсовую команду, стоявшую на ступеньках. – Пожалуйста, сюда, мисс Кармайкл. Мистер Делл сейчас к вам выйдет.

Ливи поняла, почему горничная осталась ею недовольна. Она не одобряла род ее занятий. И с этой особой были солидарны родственники Ливи и все ее друзья детства.

Холл был изысканно отделан и вполне достоин богатого хозяина. В детстве и юности Ливи видела десятки похожих холлов в десятках подобных домов. С лицемерия подобных помещений начинались визиты на сотни чаепитий, церемонных вечеринок и тщательно организованных светских раутов, которые надоели ей до чертиков. Она даже не приостано-

вилась у несомненно подлинного Матисса. Боб, в своих кроссовках бесшумно ступавший за ней, уважительно присвистнул:

– Домик что надо.

Ливи рассеянно хмыкнула нечто утвердительное, мысленно выверяя еще раз свою стратегию. Она выросла в доме, мало чем отличающемся от этого. Правда, ее мать предпочитала стиль чиппендейл, но это дела не меняло. Даже пахло здесь так же – лимонной мастикой и свежими цветами.

Ливи не прошла вслед за горничной и двух шагов, как послышался мужской смех.

– Клянусь, Ти Си, ты мастер рассказывать. Анекдотец что надо. Впрочем, не для дамских ушей. Ну и без них найдется кому послушать, а?

По лестнице легко спускался красивый шестидесятилетний мужчина, а рядом шел Торп.

Ливи чуть было не стала протирать глаза, нет, это ей только кажется! «Проклятье! – подумала она, вспыхнув от злости. – Он опять оставил меня с носом!»

Оливия, быстро взяв себя в руки, величественно взглянула на Торпа. Он улыбнулся, но Деллу он улыбался совсем иначе.

– А, мисс Кармайкл, – и Делл пошел навстречу ей, протягивая руку. Голос у него был такой же мягкий, как ладонь. – Вы очень стремительны. Надеюсь, я не заставил вас ждать.

– Нет, мистер Делл. Напротив, вы очень точны. – И, глядя куда-то в сторону, она небрежно поздоровалась с Торпом.

– Мисс Кармайкл, – вежливо поклонился он.

– Я знаю, что вы человек занятой, – и Ливи, улыбаясь, обратила взгляд к Деллу. – Я не отниму у вас много времени. – Незаметное движение – и микрофон в руке. – Вам будет удобно разговаривать со мной здесь? – спросила она, задавая звукооператору степень громкости.

– Конечно. – Делл гостеприимным жестом обвел холл, одарив ее привычной улыбкой дипломата. Уголком глаза Ливи заметила, что Торп, выйдя из пространства камеры, остановился, явно не собираясь уходить. «Черт!» – выругалась она про себя, затылком ощущая его пристальный взгляд. Этого еще не хватало. Однако работа есть работа. Повернувшись к Деллу, Оливия Кармайкл приступила к интервью.

Делл был любезен, общителен и непосредствен, но Ливи не покидало ощущение, будто она стоматолог и тащит зуб у пациента, который ухитряется держать рот плотно закрытым и при этом широко улыбаться. Мистика, да и только.

Разумеется, Делл знал, что его имя часто упоминается в связи с вакансией, открывающейся после отставки Ларкина. Естественно, ему лестно, что пресса рассматривает его кандидатуру как заслуживающую внимания. И так далее, и тому подобное. Хитрая лиса.

Ливи отметила, что он ни разу не упомянул имя президента. Она подбиралась ближе, кругами, усыпляя бдительность, – осторожно, вкрадчиво и искусно. Она мягко отступала и заходила с другой стороны, петляя и запутывая. Ей удалось добиться желаемого тона, но не твердых, четких ответов.

– Мистер Делл, президент вел с вами прямой разговор о новом назначении? – спросила она, прекрасно сознавая, что не услышит ни «да», ни «нет».

– О! Мы не обсуждали этого вопроса.

– Но вы с ним встречались? – упорствовала Ливи.

– Я имею возможность встречаться с президентом от случая к случаю.

Он сделал еле заметный жест, и к нему подошла горничная со шляпой и пальто наготове.

– Извините, мисс Кармайкл, но больше времени я вам уделить не могу. – Делл с некоторым усилием сунул руки в рукава пальто. Чувствуя, что он ускользает, Ливи поспешила за ним к выходу.

– Значит, вы встречаетесь с президентом сегодня утром?

Вопрос был, что называется, в лоб. Ответы всегда уклончивы, но она зорко следила за выражением глаз Делла. И она увидела – слабую искру, признак неуверенности.

– Возможно. – Делл протянул ей руку. – Большое удовольствие – беседовать с вами, мисс Кармайкл, но, боюсь, мне надо бежать. В это время движение на дорогах такое интенсивное.

Ливи подняла руку, жестом давая понять Бобу, чтобы он прекратил записывать.

– Спасибо, что согласились повидаться со мной, мистер Делл. – И, передав микрофон звукооператору, Ливи последовала за Деллом и Торпом.

– Всегда рад. – Делл потрепал ее по руке и улыбнулся обворожительной улыбкой старого южанина благородных кровей.

– А ты, Ти Си, обязательно позвони Анне, – и Делл дружески хлопнул Торпа по плечу, – она хочет с тобой поговорить.

– Непременно.

Делл спустился по ступенькам и направился к черному лимузину, около которого его уже ожидал шофер.

– Неплохо, Кармайкл, – прокомментировал Торп, когда лимузин рванул с места. – Вам удалось вытянуть из него достаточно. – Он взглянул на нее сверху вниз. – Деллу несколько лет удавалось избегать подобных ситуаций. Но вы взяли его в оборот.

Оливия бросила на него холодный взгляд.

– А вы что здесь делаете?

– Был приглашен к завтраку, – ответил он беззаботно, – как старый друг семьи.

Ей очень захотелось сбить с его лица это самодовольное выражение хорошим ударом кулака. Но вместо этого она старательно натянула перчатки.

– Делл получит это назначение.

Торп поинтересовался, впрочем, довольно равнодушно:

– Это утверждение, Оливия, или вопрос?

– Я же не спрашиваю вас, когда это будет, в какой день и час, Торп, – раздраженно сказала она, – да вы бы и не ответили.

Торп развел руками, изображая, что у него нет слов.

– Я всегда говорил, что вы дама, весьма острая на язык.

«Господи милосердный, да ведь она прекрасна». Он подумал так и сам удивился. Когда он видел ее на телеэкране, то с легкостью относил эту, почти невероятную, красоту на счет освещения, макияжа и удачных ракурсов. Но сейчас, стоя с ней лицом к лицу в резком утреннем свете, он понял, что более прекрасной женщины никогда не видел. Какие удивительные черты лица, безупречная кожа! Только в глазах металась ярость, которую она с трудом сдерживала. Торп отметил это с нескрываемым удовольствием. Ему нравилось разбивать лед.

– А что, именно в этом все дело, Торп? – дерзко осведомилась Ливи и отошла немного в сторону, пропуская свою команду. – Вам не нравятся остроумные репортеры, которые по совместительству оказываются женщинами?

Торп рассмеялся:

– Но вам, Ливи, хорошо известно, что у репортера нет пола. Разве что для домашнего употребления.

Он смотрел на нее в упор, и смех еще плескался в его глазах. От этого взгляд не казался Ливи привлекательнее. Если говорить точнее, она отказывалась это признать. Ти Си Торп не нравился ей во всех своих проявлениях. И точка!

Ветер развеивал его волосы. Пальто Торп не застегивал, кажется, принципиально. Ливи дрожала от этого пронизывающего ветра даже в шубке, а ему, казалось, все нипочем.

– Мы делаем с вами одно и то же дело. Мы работаем для одних и тех же людей, – сказала Ливи. – Почему бы вам не сотрудничать со мной?

– Это моя территория, – спокойно возразил он, – и если вы хотите получить кусок, вы должны крепко побороться. Я много лет потратил на это. Не рассчитывайте, что вам удастся добиться того же всего за несколько месяцев.

Тут он заметил, что она дрожит от холода, хотя во взгляде ее пылало пламя ненависти.

– Вам лучше сесть в свой автофургон.

– Но я собираюсь получить этот кусок, Торп. – То была наполовину угроза, наполовину предупреждение. – И вам придется выдержать чертовски трудную драку.

Торп наклонил голову в знак уважительного согласия, но не удержался от шпильки:

– Не вы первая, не вы последняя – уж как-нибудь.

Он понимал, что эта злобная красотка не тронется с места раньше его. Она готова превратиться в ледышку из чистого упрямства. Не хватало ему еще такого ребячества. Торп молча спустился и пошел к своей машине.

Ливи постояла еще с минуту. Она ощутила – и ей было неприятно это сознавать, – что без него ей дышится гораздо легче. Он сильная личность, и равнодушной к нему оставаться невозможно. Она и не осталась. В ней кипело яростное неприятие его жестов, его улыбки, его надменного самодовольства. Ну, она ему еще покажет, решила Оливия, понемногу успокаиваясь.

Ему не удастся помешать ей. Она отвоеует свое место под вашингтонским солнцем. Медленно спустившись вниз, она направилась к автофургону.

«Анна», – вдруг вспомнила Ливи имя, упомянутое Деллом в разговоре с Торпом. Анна Делл Монро – дочь посла и хозяйка его дома после смерти матери. Анна Делл Монро. Она может рассказать много интересного. Ливи стремительно подбежала к машине и быстро уселась.

– Мы отвезем запись на студию редакторам, а затем отправимся в Джорджтаун.

2

Ливи стучала на машинке с бешеной скоростью. Она отдала Карлу посмотреть для дневных новостей интервью с Деллом, но у нее было гораздо больше материала для вечерней передачи. Ее предчувствия насчет Анны Монро оправдались. Анна, конечно, осторожничала, но у нее не было такого огромного опыта общения с журналистами, как у ее отца. В интервью чувствовалось напряженное ожидание и ощущение некоего грядущего успеха. Это была удача.

Пленка получилась хорошая. Ливи бегло просмотрела смонтированные кадры. Бобу удалось подчеркнуть изысканную элегантность обстановки гостиной Анны Монро. Свою роль сыграл контраст благородных, мягких манер хозяйки дома и холодноватой сдержанности ее отца. Было заметно, что Анна отца уважает – это первый план, а также любит красивые вещи – это милые детали. Недурной образчик добротного репортажа, который давал зрителю возможность заглянуть в заманчивый мир большой политики и маленьких слабостей богатых людей. Теперь Оливия торопливо переписывала на машинке свои заметки.

– Ливи, ты нам срочно нужна для закадрового голоса.

Ливи так зыркнула на Брайена, что он вздохнул, потом отодвинулся от стола и потянулся.

– Ладно-ладно, сделаю сам, но с тебя стаканчик.

– Ты настоящий рыцарь, Брайен, – пропела она под сумасшедший аккомпанемент машинки.

Через десять минут Ливи выдернула последний лист. Все!

– Карл! – крикнула она шефу, проходившему через отдел информации в свой кабинет. – Чистовик готов.

– Неси.

Вставая, Ливи уточнила время. До эфира еще час.

Она вошла в кабинет Карла. Экран горел ровным светом, но звук был приглушен. Сидя за столом, Карл проверял материал и сетку передач.

– Ты уже видел пленку? – Ливи протянула ему рукопись.

– Все в порядке. – Он зажег новую сигарету об окурочек предыдущей и глухо закашлялся. – Мы передадим часть утреннего интервью с Деллом, а потом с его дочерью.

Он читал ее рукопись так внимательно, что между бровями залегла складка. Это был чисто сработанный репортаж с краткими биографическими справками о главных претендентах на должность госсекретаря, но упор был сделан на кандидатуре Бомонта Делла. Прежде чем расположить зрителя в его пользу, надо дать ему полное представление о кандидате.

Ливи смотрела, как дым от сигареты клочками поднимается к потолку, и ждала.

– Пока ты будешь читать текст, стоит показать фотографии остальных претендентов. – Карл торопливо набросал на полях свои замечания. – Они должны быть у нас в картотеке. Если нет, достанем наверху.

«Наверху» – был термин, означавший Вашингтонское бюро Си-эн-си.

– Похоже, что тебе потребуется три минуты.

– Три с половиной, – мгновенно отреагировала Ливи.

Она подождала, пока Карл взглянет на нее.

– Не так уж часто происходят подобные события. Кстати, по-моему, ничего важного у нас вообще больше нет. Разве что частичное закрытие системы очистки вод Потомака. Так что – три с половиной.

– Договорись со звукорежиссером, – буркнул он.

Она хотела что-то добавить, но Карл поднял руку: на экране вспыхнула заставка экстренного сообщения. Шеф быстрым жестом велел ей усилить звук. Она еще не успела этого сделать, как Торп посмотрел с экрана прямо ей в глаза.

Ливи не ожидала взгляда такой пронзительной силы. Она ощутила сексуальное возбуждение – быструю, неожиданную вспышку желания. Это ее ошеломило. Пришлось прислониться к письменному столу Карла. Больше пяти лет она не чувствовала ничего подобного. Уставившись на экран телевизора, она пропустила несколько начальных слов передачи:

– ...как и ожидалось, принял отставку государственного секретаря Ларкина. Госсекретарь Ларкин подал в отставку по состоянию здоровья. Президент назначил на вакантную должность Бомонта Делла. Час тому назад во время встречи в Овальном зале Белого дома Делл официально дал согласие. Пресс-секретарь Доналдсон назначил пресс-конференцию на завтра в девять часов утра...

Ливи почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног, и всей тяжестью оперлась на стол. Она слышала, как Торп повторяет сообщение, и, закрыв глаза, сделала глубокий вдох. Карл яростно ругался, невзирая на присутствие дамы. Что ж, у репортера нет пола и совести, похоже, тоже нет.

Итак, ее репортаж загублен. Из него вырвали сердце. И Торп это знал. Он знал это уже тогда, в восемь часов утра.

На экране началась запланированная передача.

– Переработай текст, – зло сказал Карл, схватив трубку звонившего телефона. – И пошли кого-нибудь наверх за копией сообщения Торпа. Мы должны его вставить. Интервью с дочерью сократишь.

Ливи сгребла свои бумаги со стола и направилась к двери.

– Тебя ждут в гримерной, Ливи, – напомнил оператор.

Она прошла мимо, не обратив внимания на его слова. Выйдя из отдела информации, Ливи подошла к лифту.

«Это ему так не пройдет! – кипятилась она. – Он не выскочит из этого дела целым и невредимым».

Уже в кабине лифта, поднимаясь на четвертый этаж, она зашагала взад-вперед, не в силах обуздать гнев, рвущийся наружу. Прошли годы – она могла сосчитать сколько – с тех пор, как что-то или кто-то настолько ее вывел из себя. Ей нужно выпустить пар. Она обрушит свою ярость только на одного человека.

– Где Торп? – отрывисто спросила она, войдя в отдел информации четвертого этажа.

Сотрудница взглянула на нее и прикрыла рукой телефонную трубку.

– У себя в кабинете.

Ливи помчалась по лестнице. Забыв о своих старательно взлелеянных уравновешенности и самообладании, она стрелой летела вверх.

– Мисс Кармайкл!

Секретарша в приемной пятого этажа изумленно вскочила, когда Ливи пулей пронеслась мимо.

– Мисс Кармайкл! – снова крикнула она ей вдогонку. – Кого вам надо? Мисс Кармайкл! Ливи без стука ворвалась в кабинет Торпа.

– Вы негодяй!

Торп перестал печатать и обернулся к двери, посмотрев на влетевшую без доклада посетительницу скорее с любопытством, чем с недовольством.

– Оливия? – Торп оторвался от машинки, но не встал. – Какой приятный сюрприз!

Заметив в дверях секретаршу, он кивком отослал ее.

– Садитесь. – И указал на кресло. – Не верю глазам. Вы впервые за целый год удостоили меня своим посещением.

– Вы зарубили мою передачу!

Держа в руке копию интервью, она осталась стоять, наклонившись над его столом.

Щеки ее пылали румянцем, особенно впечатляющим на бледном лице. Глаза потемнели от гнева. Она тяжело дышала, волосы растрепались. Ну просто фурия, валькирия! Он смотрел на нее с восхищением. Какая женщина! «Можно представить, что будет, если она по-настоящему потеряет самообладание, – подумал он. – Стоит попробовать».

– Какую передачу?

– Вы прекрасно знаете, какую. – Она оперлась руками о стол. – Вы это сделали умышленно.

– Я вообще ничего не делаю просто так, – непринужденно согласился он. – Если вы имеете в виду назначение Делла, – продолжал он, окинув ее взглядом, – то это был не ваш репортаж. Это мой репортаж.

– Потому что мой вы уничтожили за сорок пять минут до начала передачи!.. – От ярости она почти кричала.

Никогда раньше он ничего подобного не слышал. Насколько ему было известно, Оливия Кармайкл никогда не повышала голос. Ее гнев обычно выражался ледяным тоном, а не вспыхивал пламенем. Но так ему нравилось больше.

– Итак, – он смотрел на нее, слегка постукивая пальцами по столу, – вы недовольны временем моего репортажа?

– Вы же ничего мне не оставили!

Она возмущенно ткнула в его сторону экземпляром текста, но потом смяла бумаги и швырнула прямо на пол.

– Я работала над ним две недели. Я сразу ухватилась за эту тему. Вы резали его за две минуты.

– В мои обязанности не входит страховать чужие репортажи. Это ваша забота. Желаю удачи в следующий раз.

– О! – Ливи в ярости стукнула кулаком по столу красного дерева. – У вас нет совести. Этот репортаж стоил мне уймы времени, сотен телефонных звонков. Я протопала пешком, наверно, несколько миль. И это вы мне всячески препятствовали.

Она сощурилась, а в речи проступил легкий северный акцент.

– Что вы боитесь потерять, Торп? Трясетесь над своей территорией, как жалкий скряга. Похоже, вы не уверены в превосходстве своих репортажей?

– Боюсь?! – Торп встал и тоже наклонился над столом, оказавшись с ней лицом к лицу. – То, что вы пытаетесь пробраться на мою территорию, отнюдь не мешает мне спать по ночам, Кармайкл. Меня не интересуют начинающие журналисты, которые хотят шагать сразу через три ступеньки. Приходите ко мне, когда выплатите положенное за учебу.

Ливи ахнула от возмущения.

– Не смейте со мной так говорить, Торп! Я начала платить восемь лет назад.

– Восемь лет назад я был в Ливане и старался увернуться от пуль, а вы, моя дорогая, в Гарварде флиртовали с футболистами.

– Что вы несете? Какие футболисты?! – вспыхнула Ливи. – И это совершенно не относится к делу. Вы все знали уже сегодня утром.

– Ну и что?

– Вы знали, что я работаю не покладая рук. Неужели у вас нет чувства лояльности к местному телевидению?

– Нет.

Его ответ был настолько прям, что на мгновение сбил ее с толку.

– Но ведь вы здесь начинали!

– А вы позвоните на свою телестудию в Джерси и отдайте им свой эксклюзивный материал, потому что когда-то читали там прогноз погоды, – парировал он. – Бросьте эти глупости насчет дружеского плеча и родного гнезда, Ливи, они не вписываются в тему.

Ее голос упал до зловещего шепота:

– От вас требовалось только предупредить меня, что вы готовите репортаж.

– Ну да, а вы бы покорно сложили ручки и позволили мне опередить вас? – Его брови насмешливо изогнулись. – Да вы бы глотку мне перегрызли, только бы попасть в эфир раньше меня.

– С наслаждением.

Он рассмеялся:

– Когда вы беситесь, Ливи, вы великолепны. И честны.

Он взял со стола какие-то бумаги и протянул ей.

– Вам понадобятся мои заметки, чтобы внести изменения в репортаж. Осталось меньше тридцати минут до эфира.

– Я знаю.

Ливи не притронулась к протянутым ей бумагам. Ей невыразимо хотелось швырнуть чем-нибудь тяжелым в стекло за его спиной. А лучше прямо в его снисходительно улыбающееся лицо.

– Мы должны договориться вот о чем, Торп, если не сейчас, то в ближайшее время. Мне надоело в каждой своей работе плестись за вами. – Она все-таки схватила его заметки, понимая, что ее загнали в угол.

– Прекрасно. – Он смотрел, как она поднимает свою рукопись. – Выпьем вечером в баре?

– Нет! Даже если от этого зависит ваша жизнь. – Оливия повернулась и пошла к двери.

– Бойтесь?

Это с легкой насмешкой произнесенное слово остановило ее.

– В восемь часов в баре О'Райли.

– Заметано.

Когда она хлопнула дверью, Торп усмехнулся.

«Так, – подумал он, снова усаживаясь в кресло, – за ледяными манерами скрываются вполне живые плоть и кровь, а я уже начал сомневаться в этом. Похоже, что первый ход сделан». Торп засмеялся и повернулся во вращающемся кресле, чтобы взглянуть в окно на панораму города.

Все, однако, к лучшему, решил он. Эта несколько бурная встреча прилась как нельзя кстати, иначе бы он тянул время, ожидая благоприятного случая. Терпение – одно из главных достоинств репортера. Торп терпеливо ждал больше года. «Если точно, то шестнадцать месяцев», – подумал он. Когда он увидел ее передачу, он запомнил низкий грудной голос, холодную, строгую красоту. Его страсть вспыхнула мгновенно. С той самой минуты, как он встретился с ее спокойным, внимательным взглядом, он желал ее. Интуиция подсказывала, что следует какое-то время держаться на расстоянии и выжидать. Оливия Кармайл обладала не только красивой внешностью.

Он мог подробно разузнать о ее прошлом. У него были для этого все возможности: профессиональное умение и связи, но что-то обуздывало его журналистское любопытство, и он вооружился терпением. В работе с политическими деятелями Торпу приходилось часто и подолгу ждать, так что о терпении он знал все.

Торп откинулся в кресле и закурил. Есть надежда, что тактика выжидания начинает себя оправдывать.

Ровно в восемь часов Ливи въехала на стоянку возле ресторана О'Райли. На секунду она прислонилась лбом к рулю. Она вспоминала, как проносится через отдел информации в кабинет Торпа, как кричит на него. Ужасно неприятно. Она жалела, что настолько потеряла самообладание, к тому же в разговоре именно с Торпом. Ливи давно чувствовала, что это человек, от которого следует держаться на расстоянии. Он был слишком сильной, харизматической личностью и явно относился к категории мужчин опасных.

Ливи предпочитала в подобных случаях сохранять дистанцию, а для этого отношения должны были оставаться строго официальными. Несколько часов назад она отбросила всякую официальность. Да это и немудрено, когда стоишь с человеком нос к носу и орешь на него.

– Как бы я ни старалась, – прошептала она, – я не способна быть холодной и невозмутимой. И, – признала она со вздохом, – Торп это понимает.

В детстве Ливи была неприкаянным, неудобным ребенком. Для девочки из степенной, благовоспитанной семьи она задавала слишком много вопросов, слишком часто плакала, чересчур весело смеялась. В отличие от сестры она была равнодушна к нарядам и украшениям. Ей нужна была большая собака, с которой можно побегать, а не смиренный маленький пудель, с которым нянчилась мать. Ей хотелось жить на дереве, а не в рафинированном кукольном доме, который выстроил отец, наняв архитектора.

Ливи вырвалась на свободу, поправ строгие правила и обязанности членов семейства Кармайкл. В колледже ей казалось, что она обрела все, чего только можно желать. Потом она все потеряла. Теперь она заботилась только о себе и своей карьере. Она не утратила жажды свободы, но научилась осторожности.

Ливи выпрямилась и тряхнула головой. Сейчас было не время думать о прошлом. Надо сосредоточиться на настоящем и будущем. «Я больше не выйду из себя, – решила она, вылезая из машины. – Этого удовольствия я ему не доставлю».

Ливи вошла в бар при ресторане О'Райли.

Торп ждал ее. Она снова надела свою маску, отметил он. Оливия окинула взглядом зал. Лицо и глаза ее были спокойны и безмятежны. Среди шума и табачного дыма она казалась мраморной статуей – холодной, гладкой и изысканной. Торпу захотелось дотронуться до нее, коснуться ее руки, увидеть, как вспыхнут глаза. Гнев был не единственным чувством, которое он хотел пробудить в ней. Желание, сдерживаемое месяцами, становилось неотвязным.

Сколько времени пройдет, прежде чем эти защитные покровы спадут окончательно, гадал он. Он был готов сразиться с ней, чувствуя уверенность в победе. Он не привык проигрывать. Торп подождал, пока она заметит его, улыбнулся и кивнул, но не встал, чтобы провести к столику. Ему нравилась ее походка – плавная, скользящая, скрытно-чувственная.

– Привет, Оливия.

– Привет, Торп. – Ливи устроилась в кресле напротив.

– Что будете пить?

– Вино. – Она взглянула на официантку, которая уже стояла возле. – Белое вино, Лу.

– Да, мисс Кармайкл. Еще порцию, мистер Торп?

– Нет, спасибо.

Торп поднял стакан с виски. Оливия молча смотрела на него, и улыбка на ее лице погасла.

– Ну что ж, Торп, раз уж нам предстоит выяснять отношения, давайте приступим.

– Вы всегда заняты только делом, Ливи?

Внимательно глядя ей в лицо, Торп закурил. Одним из ценных качеств Торпа было умение долго, неотрывно смотреть на собеседника. Не один высокопоставленный политический деятель ежился под настойчивым, испытующим взглядом его темных глаз.

Ливи не была исключением. Она тоже ощущала скрытую силу его взгляда.

– Мы встретились, чтобы обсудить...

– Вы никогда не слышали о беззаботном обмене любезностями? – прервал он ее. – Как поживаете? Не правда ли, сегодня хорошая погода?

– Меня совершенно не интересует, как вы поживаете, – парировала она холодным, ровным тоном. Ему не удастся взять над ней верх. – А погода сегодня отвратительная.

– Такой нежный голос и такой противный язык. – Торп увидел, как в ее глазах вспыхнул и погас огонек. – У вас самое совершенное лицо, какое я когда-либо видел.

Ливи почти окаменела – спина, плечи, руки. Торп заметил это и пригубил виски.

– Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать мою внешность.

– Разумеется, но она имеет большое значение в вашей работе.

Официантка поставила перед ней вино. Ливи схватилась пальцами за ножку бокала, как за свое спасение.

– Зрители предпочитают видеть на экране привлекательное лицо. Тем легче скормить им информацию. К тому же вы аристократичны. Выигрышная черта.

– Вовсе не это определяет достоинства моих передач.

Голос Ливи оставался холодным и бесстрастным, но глаза уже оживали.

– Ну как же? Разве это не помогает повышению вашего рейтинга? – Он откинулся в кресле, внимательно рассматривая ее лицо. – Вы первоклассный диктор, Ливи, и набираете обороты как репортер.

Ливи нахмурилась. Он что, собирается комплиментами сбить ее с толку?

– И, – продолжал он тем же тоном, – вы очень осторожная женщина.

– О чем вы?

– Что вы скажете, если я приглашу вас пообедать?

– Нет.

Он выслушал ее ответ с легкой, беззлобной усмешкой.

– Почему?

Ливи не спеша отпила глоток.

– Потому что вы мне не нравитесь, а я не обедаю с мужчинами, которые мне не нравятся.

– То есть вы обедаете с теми мужчинами, которые вам нравятся. – Торп в последний раз задумчиво затянулся и раздавил сигарету в пепельнице. – Но ведь вы ни с кем не обедаете? Правда?

– Это не ваше дело.

Разозлившись, Ливи попыталась встать, но Торп помешал, положив ладони на ее руки.

– Вот вы готовы вскочить и убежать. Почему? Вы меня заинтересовали, Оливия. – Он говорил тихо, тише, чем смеялись и говорили вокруг.

– Я не желаю, чтобы вы мной так или иначе интересовались. Вы мне не нравитесь, – упрямо повторила она, чувствуя, что выглядит смешно. Более того, последняя фраза прозвучала неубедительно. Его ладони оказались неожиданно жесткими и мозолистыми. Их прикосновение странно волновало. – Мне не нравятся ваше непомерное самомнение и постоянное стремление доказать свою мужественность, – торопливо заговорила она, теряя над собой контроль.

– Мужественность? – Он одобрительно усмехнулся. – Но это, по-моему, комплимент.

Его усмешка была на редкость обаятельна, но Ливи приказала себе не поддаваться. Да, она была права, когда отнесла его к категории опасных.

– Мне нравится ваша манера поведения, Ливи. Выражение вашего лица восхитительно – замороженное пламя секса, – продолжал он и увидел, что задел ее за живое. Ее руки судорожно дрогнули под его ладонями, взгляд из сердитого стал уязвленным, затем намеренно безразличным.

– Отпустите мои руки.

Он хотел вывести Ливи из себя, подразнить, но не обидеть.

– Простите.

Извинение было неожиданным, простым и искренним. Ливи уже расхотелось вскочить и убежать. Когда он отпустил ее руки, она снова взяла бокал.

– Теперь, когда мы покончили с любезностями, Торп, может быть, вернемся к делу?

– Хорошо, Ливи, – согласился он. – Ваша очередь.

Она отставила бокал:

– Я требую, чтобы вы не стояли у меня на пути.

– То есть?

– Вашингтонское отделение «Новости мира» – филиал Си-эн-си. Предполагается, что они должны работать в сотрудничестве. Местное телевидение не менее важно, чем общегосударственное.

– И что же?

Порой его немногословие выводило из себя. Она отодвинула бокал и наклонилась над столом.

– Я не прошу вашей помощи. Она мне не нужна. Но мне надоел саботаж.

– Саботаж? – Он поднял стакан и взболтал виски.

Ливи снова заволновалась, забыв о своей клятве. Положительно, он плохо на нее действовал. Давно она не чувствовала себя такой растерянной. Торпу нравился легкий румянец, от которого порозовела ее кожа цвета слоновой кости.

– Вам было известно, что я работаю над репортажем о Делле. Вам был известен каждый мой шаг. Не смотрите на меня таким невинным взглядом, Торп. Я знаю, что у вас есть знакомства и связи в нашей студии. Вы хотели сделать из меня дурочку.

Торпа рассмешило это неожиданное для нее выражение.

– Конечно, я знал, над чем вы работаете, – пожав плечами, согласился он. – Но это ваша проблема, а не моя. Я дал вам копию своего репортажа. Это нормальный порядок работы. Местное телевидение всегда кормится за счет государственного.

– Мне бы не понадобился ваш текст, если бы вы не взяли меня за горло.

Ливи не интересовали ни общепринятый порядок, ни щедрость верхних этажей.

– Если бы я заранее располагала необходимой информацией, я бы изменила характер интервью с Анной Монро и использовала его. Это была хорошая работа, но она пропала зря.

– У вас слишком узкий взгляд на вещи, – заметил Торп и допил виски. – Вы все поставили на одну карту. Вполне можно было, – продолжал он, закуривая новую сигарету, – задать Анне и другие вопросы. Тогда вы могли бы переработать интервью после моего репортажа. И вы все еще можете им воспользоваться. Я видел пленку, – добавил он. – Хорошая работа, но не отличная.

– Не указывайте мне, как надо работать.

– В таком случае и вы не указывайте мне. – И он тоже наклонился вперед. – Я пять лет держал руку на пульсе политической жизни. Я не собираюсь поднести вам Капитолий на блюде, Кармайкл. Если у вас есть претензии к моей работе, обратитесь к Моррисону.

Торп назвал фамилию директора Вашингтонского бюро Си-эн-си.

– Вы так самоуверенны. – Ливи вдруг захотелось придушить его. – Так уверены в том, что именно вы хранитель Святого Грааля.

– В политической жизни нет ничего святого, Кармайкл, – возразил Торп. – Я здесь потому, что умею играть в эту игру. А вам, может быть, следует взять несколько уроков мастерства.

– Ну уж не у вас.

– Смотрите, не нарваться бы на кого похуже.

Он помолчал минуту и подумал.

– Вот что, пожалуй, я вам кое-что все же посоветую. Чтобы пустить здесь корни, требуется больше года. Здешние чиновники всегда в центре внимания. Политика – грязное дело, особенно после Уотергейта. Наше дело – разоблачать их. Игнорировать нас они не могут, поэтому они обходятся с нами так же, как мы с ними.

– Вы не сообщили мне ничего нового, – с легким презрением отметила Оливия.

– Возможно, – согласился он. – Но у вас есть преимущества, которые вы напрасно не пускаете в ход: внешность и порода, класс.

– Не понимаю, какое отношение...

– Не будьте идиоткой! – с раздражением прервал ее Торп. – Репортер должен использовать все, что может выпросить, одолжить или украсть. Ваша внешность никак не связана с вашими умственными способностями, с которыми вы так носитесь. Она влияет на то, как вас воспринимают. Такова человеческая природа. – И выждал, пока она полностью уразумевает его слова.

Обдумав их, она поняла, что Торп прав, и это ее раздосадовало. Одни журналисты обыгрывали свой шарм, другие – грубость, ей мог помочь аристократизм или, как выразился Торп, класс.

– В субботу вечером прием в посольстве. Я возьму вас с собой.

Она изумленно воззрилась на Торпа. Вот так так!

– Вы...

– Вам нужно видеть общество изнутри, воспользуйтесь самым доступным входом.

Недоверчивость, отразившаяся в ее взгляде, позабавила Торпа.

– После нескольких бокалов шампанского можно услышать весьма интересную болтовню в дамской комнате.

– Вам, разумеется, это хорошо известно, – ответила она сухо.

– Вы бы многому удивились, – добавил он, пропустив ее колкость мимо ушей.

Предложение Торпа было заманчиво, однако казалось крайне подозрительным. В конце концов, с чего бы ему оказывать ей такие любезности?

Торп пододвинул ей бокал.

– Есть поговорка насчет дареного коня, Ливи.

– А как насчет троянского?

Торп рассмеялся:

– Хороший репортер открыл бы ворота ради сенсации.

Торп, конечно, прав, но все это было ей не по душе. Если бы на месте Торпа был другой, она бы не колебалась. «К черту, надо действительно брать что дают», – сказала она себе и взяла сумочку.

– Хорошо. Какое посольство?

– Английское.

Торп с интересом наблюдал, как она принимает решение.

– В котором часу мы с вами встретимся?

– Я вас подхватчу.

Ливи начала уже вставать, но замерла.

– Нет.

– Мое приглашение – мои условия. Можете согласиться, можете отказаться.

О, как ей это не нравилось. Ехать с ним в одной машине, бог знает куда это вообще может ее завести. Нет-нет, ничего такого ей не надо. Только покой и безопасность. Впрочем, она сомневалась, что женщина могла бы чувствовать себя в безопасности с Торпом. Что же касается покоя... Черт, он опять загонял ее в угол. Если она откажется, то поставит себя в дурацкое положение.

– Хорошо. – Ливи достала записную книжку. – Я дам вам свой адрес.

– Я знаю ваш адрес.

Торп встретился с ней взглядом и увидел в ее глазах некоторую растерянность.

– Я репортер, Ливи. Информация – моя профессия. – Торп поднялся из-за стола. – Я провожу вас.

Он взял ее под руку и повел к выходу. Ливи молчала. Она не знала – то ли выиграла очко, то ли проиграла два. «Во всяком случае, – подумала она, – это лучше, чем бездействие».

– Вам незачем выходить... – начала она, когда он направился с ней к стоянке. – Вы без плаща.

– Беспокойтесь о моем здоровье?

– Вот еще!

Раздосадованная, она достала ключи от машины.

– Мы уже покончили с бизнесом на сегодня? – спросил он, когда она вставила ключ в замок.

– Да.

– Полностью?

– Полностью.

– Хорошо.

Он повернул ее лицом к себе, притянул поближе и прижался губами к ее губам. Ливи была так ошеломлена, что и не подумала вырваться. Этого она от него никак не ожидала. Его твердо очерченный, волевой рот неожиданно оказался мягким и нежным. Он обнял ее, крепче прижимая к себе.

Прикосновение его сильного тела возбуждало. Она почувствовала, как кровь быстрее побежала по жилам. Ливи подняла руки, еще не зная, прижмет его к себе или оттолкнет. И кончила тем, что вцепилась пальцами в его рубашку.

Торп не пытался добиться большего. Он видел, что она старается подавить ответное волнение, ей это не удастся. Прекрасно, но торопиться не нужно. Он сдержал себя, и поцелуй стал нежнее.

Постепенно ее губы стали слабыми и податливыми. Мир перед глазами расплылся, как будто в камере заменили линзу и еще не отрегулировали.

– Нет, – прошептала она и, разжав пальцы, оттолкнула его. – Нет.

Он отпустил Ливи. Она без сил прислонилась к машине. Ощущения, казалось бы, давно погребенные, вновь ожили. И надо же было так случиться, чтобы именно Торп вернул их к жизни. Она в упор смотрела на него. Противоречивые эмоции, скрытая уязвленность поочередно отражались на ее лице. Торп почувствовал, что в нем пробудилось нечто более глубокое, чем просто желание.

– Это... – Ливи запнулась и с усилием опять заговорила: – Это было...

– Очень приятно для нас обоих, Оливия, – закончил Торп нарочито веселым тоном. – Хотя, сдается, вы давненько не практиковались.

Глаза Ливи вспыхнули, туман исчез.

– Вы невыносимы.

– Будьте готовы к восьми часам в субботу, – сказал Торп и вернулся в бар О'Райли.

3

Она выбрала простое черное платье, сидевшее на ней как влитое. Оно было без малейших вольностей, только чистое совершенство линий. На гладком черном фоне ее кожа казалась мраморной. Некоторое время Ливи колебалась, надеть ли что-нибудь из украшений, и в конце концов выбрала жемчужные серьги – подарок к совершеннолетию.

Несколько секунд она держала их в руке. Они пробудили горько-сладкие воспоминания. Двадцать один год. Радужные мечты. Ей казалось, что ничто уже не сможет омрачить ее жизнь, помешать ее счастью. Прошло совсем немного времени, и мир ее начал рушиться. А в двадцать три она уже забыла, что значит радоваться.

Ливи старалась припомнить, что сказал Дуг, когда подарил ей этот жемчуг, и на мгновение закрыла глаза. Что-то о том, что жемчужины подобны ее коже, столь же светлой и безупречно гладкой. Дуг. Ее муж. Она посмотрела на свои пальцы, на которых не было колец. Бывший муж. Наверно, мы тогда любили друг друга. Те четыре года, что были вместе. По крайней мере, до того, как...

Чувствуя, как оживает боль, она прижала ладони к вискам. Было тяжело вспоминать о своих потерях. Это было слишком ужасно, слишком непоправимо.

Семь лет прошло с тех пор, как Дуг подарил ей серьги. Это было в другой жизни, и она была тогда другой женщиной. Настало время надеть их и в ее теперешней жизни.

Ну, вроде бы все, Ливи стала искать туфли. Было почти восемь. Она нервничала, но пыталась убедить себя, что совершенно спокойна. Уже много лет у нее не было свиданий. «Между прочим, это вовсе не свидание, – ехидно напомнила она себе. – Это деловая встреча. Так сказать, профессиональная любезность». Но с какой стати Торп оказывает ей эту любезность?

Ливи села и задумалась, все еще держа одну туфлю в руке. Нельзя доверять этому человеку ни в чем. Это основное, что нужно помнить. Он безжалостен и всегда действует в своих интересах.

Как он ее поцеловал! Без малейших сомнений и колебаний, как будто имел на это право. Она прикусила нижнюю губу. Он не подготавливал ее к этому постепенно. Иначе она успела бы что-нибудь предпринять. Слава богу, она уже не дитя и прекрасно изучила все эти улыбки, ласковые, многозначительные взгляды, особые словечки. Торп обошелся без этого. «Он действовал импульсивно», – решила она и пожала плечами. Его поцелуй не был безумно страстным, нетерпеливым. Торп не был груб, он не пытался ее соблазнить.

Ну и хватит об этом. Сидит тут, дура дурой, размышляет. Она слишком всерьез к этому отнеслась.

Но ведь она хотела поцелуя. И не одного. Она хотела, чтобы Торп ее обнимал, хотела чувствовать себя желанной. Почему? Разве он ей не совершенно безразличен?

– Чего же ты хочешь сама? – прошептала она. – И почему ты этого не знаешь?

«Главное – одержать победу, – подумала она. – Я Оливия Кармайкл, со всеми своими достоинствами и недостатками. Я хочу остаться сама собой. И никаких глупостей».

Раздался звонок. «Дело прежде всего, – заметила себе Ливи. – Я должна стать лучшим репортером в Вашингтоне. Если ради этого нужно общаться с Ти Си Торпом, я буду общаться с Ти Си Торпом».

Ливи взглянула на духи на туалетном столике, но передумала. Незачем было наводить его на фривольные мысли. Она не сомневалась, что у него их и так достаточно.

Ливи не спеша пошла к двери. Ей было приятно, что она заставила его ждать. Однако Торп вовсе не казался недовольным. Он откровенно по-мужски оглядел ее, и в его глазах промелькнуло одобрение. Более того, восхищение.

– Вы прекрасны. – Торп протянул ей белую розу на длинном стебле. Ливи молча приняла ее. – Вам подходит этот цвет. Красный – слишком броский, розовый – слащавый.

Глядя на цветок, Ливи мгновенно забыла все, что минуту назад внушала себе. Она даже не предполагала, что так просто ее растрогать. Надо же, белая роза – и сердце просто тает.

– Спасибо, – сказала она серьезно.

Торп улыбнулся и так же серьезно ответил:

– Пожалуйста, не стоит благодарности. Вы собираетесь впустить меня в дом?

Было бы умнее этого не делать, но она отступила назад, чтобы пропустить Торпа.

– Я поставлю розу в воду.

Ливи вышла, и Торп оглядел гостиную. Опрятно и обставлено со вкусом. Тут поработала она сама, без всяких дизайнеров. Она не спешила и выбирала именно то, что хотела. Торп обратил внимание, что нигде не было ни фотографий, ни сувениров. Чувствовалась особая скрытность. Ливи ничего из своей жизни не выставляла напоказ. Смутный налет тайны пробудил его журналистское любопытство.

«Пожалуй, пора уже попробовать кое-что выяснить», – подумал он. Торп прошел в кухню и прислонился к двери. Ливи наливала воду в хрустальную узкую вазу.

– Приятная квартира, – сказал он светским тоном. – Хороший вид на город.

– Да.

– Вашингтон далековато от Коннектикута. Вы из какой части штата?

Ливи посмотрела на него. Взгляд вновь стал холодным, настороженным.

– Из Уэстпорта.

Уэстпорт – Кармайкл. Торп без труда связал все воедино.

– Ваш отец – Тайлер Кармайкл?

Ливи вынула вазу из раковины и повернулась к Торпу.

– Да.

Тайлер Кармайкл... Большое поместье, недвижимость, непоколебимый консерватор, прямой потомок первых поселенцев с «Мэйфлауэр».

«У него были две дочери», – неожиданно вспомнил Торп. Он забыл об этом, потому что одна из них лет десять тому назад исчезла из виду, в то время как другая начала артистическую карьеру. Туалеты за пять тысяч долларов, «Роллс-Ройс». Папочкина любимица. Окончив театральное училище, подцепила своего первого мужа, драматурга, и отец подарил ей к свадьбе имение в пятнадцать акров. Мелинда Кармайкл Говард Ле Клэр была в настоящее время замужем за супругом номер два. Женщина избалованная, капризная, дерзко красивая, с неискоренимой любовью к дорогим вещам.

– Я знаком с вашей сестрой, – объяснил Торп, внимательно разглядывая Ливи. – Вы совсем на нее не похожи.

– Пожалуй, – подтвердила Ливи.

Пройдя мимо него в гостиную, она поставила вазу на маленький столик, поправила цветок, полюбовалась.

– Я возьму пальто.

Труднее всего брать интервью у своего же коллеги. Хороший журналист умеет отвечать на вопросы, не выдавая себя интонацией и ограничиваясь «да» и «нет». Оливия Кармайкл была крепким профессионалом. Он тоже.

– Вы не ладите с вашей семьей?

– Я этого не сказала.

Ливи достала из шкафа жакет из лисьего меха.

– В этом не было необходимости.

Торп взял жакет и подал ей. Ее руки легко скользнули в рукава. От нее не пахло духами, чувствовался только легкий аромат солей для ванны и цитрусового шампуня. Ее естественность взволновала его. Он повернул Ливи к себе лицом.

– Почему вы с ними не ладите?

Ливи недовольно вздохнула:

– Послушайте, Торп...

– Вы когда-нибудь назовете меня по имени?

Она подняла бровь и мгновение выжидала.

– Терренс?

Торп усмехнулся:

– Не было случая, чтобы кто-нибудь назвал меня так и остался в живых.

Ливи рассмеялась, и он впервые услышал, как весело она смеется.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказал он и неожиданно взял ее за руку, когда она повернулась к нему.

– А я и не собираюсь. Никаких личных вопросов, Торп, будь то для печати или нет.

– Я упрямый человек, Ливи.

– Не хвастайтесь. Это вас не украшает.

Он переплел ее пальцы со своими, медленно поднял их соединенные руки и задумчиво стал рассматривать.

– Подходят друг другу, – он улыбнулся странной улыбкой. – Я так и думал.

Это было необычно. Он не пытался ее соблазнить, хотя она почувствовала токи желания; он не бросал ей вызов, хотя в ней пробудился дух сопротивления. Он не делал выводов, которые она могла бы оспорить. Он просто констатировал факт.

– Мы не опоздаем? – подавляя смущение, спросила Ливи.

Он неотрывно смотрел ей в глаза, но у нее появилось странное ощущение, словно его взгляд снимает все покровы. Она могла поклясться, что он видит ее всю как есть, вплоть до серповидной крошечной родинки под левой грудью.

– Торп. – Она явно испугалась. – Не надо.

Она была задета. Он это видел, чувствовал. Задета как-то особенно чувствительно. Он немного удивился, вспомнил о своем намерении не торопиться и, взяв ее за руку, пошел к выходу.

Яркий свет. Музыка. Изысканная обстановка. «Сколько же раз я бывала на приемах, – подумала Ливи. – Что отличало этот прием от сотен других? Политика».

Это был свой особый мир, узкий, замкнутый. Вас назначали или избирали, но вы всегда оставались открытой мишенью для прессы и были вечно уязвимы из-за ее влияния на общество. Удар можно было получить с любой стороны. Главным здесь были личности участников, утверждение имиджа. Ливи знала в этом толк.

Сенатор, потихоньку жевавший паштет, принадлежал к либералам. У него были современная мальчишеская стрижка и открытое, простое лицо. Ливи порылась в памяти – ага, сенатор обладает весьма острым умом и отчаянным честолюбием.

Ливи узнала корреспондента влиятельной вашингтонской газеты. Он непрерывно пил. Кажется, он одолел уже пять порций виски глазом не моргнув, но по-прежнему цеплялся за стакан, как утопающий за спасательный круг. Она узнала симптомы, и в ней шевельнулась жалость. Если он еще не пил с утра натошак, то скоро начнет.

– Каждый реагирует на трудности по-своему, – прокомментировал Торп, заметив, куда направлен ее взгляд.

– Это верно, – сказала Ливи.

Торп предложил ей стакан вина. Она рассеянно взяла его, продолжая разглядывать толпу.

– У меня была подруга, которая работала в газете в Остине. Она говорила, что газеты дают информацию для думающих читателей, а телевидение только показывает картинки.

Торп закурил сигарету.

– И что вы ей ответили?

– Ну что тут скажешь? Реклама везде одинакова. – Ливи улыбнулась, вспомнив свою строгую приятельницу. – Я говорила, что телевидение более непосредственно, она же утверждала, что газеты более аналитичны. Я указывала, что телевидение дает зрителю возможность увидеть событие, она доказывала, что печать позволяет читателю подумать. – Ливи пожала плечами и пригубила холодное сухое вино. – Наверное, мы обе были правы.

– Когда я учился в колледже, то писал для газет.

Торп наблюдал, как Ливи внимательно изучает окружающих. Она все впитывала как губка. Услышав его фразу, она обернулась и с любопытством посмотрела на него.

– Почему же вы переключились на телевидение?

– Мне нравился более быстрый темп, возможность быть прямо на месте событий. Видеть все своими глазами и тут же рассказывать об этом.

Ливи кивнула. Она хорошо его понимала. У Торпа в руке был стакан виски. Ливи заметила, что пьет он мало, но курит непозволительно много. Ливи вспомнила непрерывную цепь сигарет Карла.

– Как вы боретесь со стрессом?

Он усмехнулся и, к ее удивлению, погладил жемчужину в ее серьге.

– Занимаюсь греблей.

– Чем?!

Его прикосновение отвлекло ее на миг, но изумление ее не стало от этого меньше. Нет, он положительно непредсказуем.

– Греблей, – повторил он, – на лодке, по реке. А когда слишком холодно, играю в гандбол.

– Гребля... – Ливи задумалась. Вот почему у него такие натруженные, мозолистые руки.

– Да, знаете ли. Вперед, Йель!

Она улыбнулась.

– Это первая ваша настоящая, щедрая улыбка, – сказал он. – Кажется, я влюбился.

– Это не в вашем твердом характере.

– Да что вы, я настоящая сливочная помадка.

Он поднес ее руку к губам. Ливи осторожно отняла ее, чувствуя легкую дрожь в пальцах.

– Вряд ли при таких качествах можно раскрыть незаконное присвоение государственных средств в министерстве внутренних дел.

– Ну, это работа.

Он подошел на шаг ближе, так что они почти касались друг друга.

– Поверьте, что перед вами – жалкий романтик. Меня умиляет свет горящей свечи и до глубины души трогает прелюдия Шопена. Женщина может увлечь меня с помощью огня, пылающего в камине, и бутылки вина.

Ливи поднесла бокал к губам. Наверно, от вина у нее слегка кружилась голова.

– Не сомневаюсь, что это удавалось тысячам.

– Вы же мне сказали, что я хвостун, – усмехнулся Торп. – Кроме того, журналистика оставляет мало свободного времени.

Ливи было нелегко сохранять дистанцию. Она покачала головой и вздохнула.

– Но я не хочу в вас влюбляться, Торп. Действительно, не хочу.

– Не принимайте поспешных решений, – добродушно посоветовал он.

– Ти Си! – Последовал увесистый тычок в спину Торпа. – Я так и знал, что найду вас в обществе красивой женщины. – Так приветствовал их представитель штата Виргиния.

Сенатора Уайета отличали несколько фунтов избыточного веса, розовые щеки и всем известная общительность. Ливи знала, что он ведет кампанию против сокращения ассигнований на образование и социальные нужды. Она две недели безуспешно пыталась пробиться к нему на прием.

Торп добродушно отнесся к его тяжеловесному приветствию.

– Сенатор – Оливия Кармайкл.

Сенатор в том же стиле потряс руку Ливи.

– У меня отличная память на лица, и я вас где-то видел. Однако держу пари, что вы не подружка Ти Си.

Торп то ли кашлянул, то ли вздохнул. Ливи стрельнула в него взглядом.

– Я работаю в Вашингтонском отделении «Новости мира», сенатор Уайет. Мистер Торп и я – коллеги.

– Да-да, конечно. Теперь я вспомнил, Ти Си предпочитает другой тип женщин. – Он наклонился к Ливи и подмигнул. – Ноги прямо из плеч и минимум мозгов.

– Неужели? – Ливи задумчиво посмотрела на Торпа.

– У вас потрясные ноги, Ливи! – невозмутимо заметил Торп.

– Да, я уже слышала об этом. – И она обратилась к Уайету: – Сенатор, мне бы очень хотелось побеседовать с вами о серьезных вещах. Полагаю, здесь не место. Может быть, вы назначите более подходящее время?

Уайет минуту колебался, потом кивнул.

– В понедельник утром в моем офисе. А вам с Ти Си надо сейчас потанцевать, – распорядился он и быстрым движением одернул смокинг. – Пойду посмотрю, есть ли в буфете что-нибудь стоящее вроде икры и гусиной печени.

И с уморительной миной сенатор неспешным шагом удалился.

Торп взял Ливи за руку.

– Хочу последовать совету сенатора, – объяснил он. И, обняв Ливи, повел ее в круг. Это был второй случай, когда он обнял ее. Тело ее немедленно затрепетало в ответ на его прикосновение. Ливи напряглась. Боже, это становилось каким-то наваждением.

– Вы не любите танцевать? – тихо спросил он.

– Конечно, люблю. – Она старалась говорить спокойно и ровно.

– Тогда в чем же дело?

Его рука легко держала ее за талию, его губы почти касались ее уха. По коже у нее побежали мурашки.

– Когда мы займемся любовью, вашингтонская элита этого не увидит. Я люблю уединенность.

Понадобилось некоторое время, прежде чем до нее дошел смысл его высказывания. Ливи просто навывлет пронзила его взглядом.

– Да вы что?!

– Тише, тише. Я знаю, что говорю, – прошептал он. – Сердце у вас бьется так же сильно, как тогда, когда я поцеловал вас возле бара О’Райли.

– Неправда! – с излишней горячностью возразила она. – Оно бьется не сильнее обычного. И я вам уже говорила, Торп, вы мне не нравитесь.

– Но потом вы уточнили, что не хотите в меня влюбляться, а это совсем другое дело.

Она была такой тоненькой. Ему хотелось прижать ее к себе изо всей силы, чтобы она растворилась в нем.

– Я бы легко мог узнать, что вы сейчас чувствуете, если бы поцеловал вас, но федеральная разведка сообщит, что Торп и Кармайкл заключили перемирие на нейтральной почве.

– Ага, и передовица будет о том, как Торпу сломали челюсть, когда Кармайкл прервала дипломатические отношения.

– Ваши руки для этого не годятся, – задумчиво сказал он. – Тем не менее предпочитаю делать репортажи сам, а не быть их героем.

Музыка смолкла, и Ливи отстранилась.

– Хочу проверить ваше предположение насчет дамской комнаты, – сказала она спокойно, хотя сердце у нее действительно готово было выпрыгнуть. Она злилась на Торпа за то, что он знает об этом.

Торп смотрел, как она уходит. Ему хотелось, чтобы проклятый прием уже закончился. Они бы остались с ней наедине хотя бы на несколько минут. Он весь горел от прикосновения ее тела. Никогда еще он не желал женщину так сильно. Вдобавок его не покидала уверенность в том, что предстоящая битва будет не из легких. Торп вынул сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

Он привык к постоянным стрессам в работе. Говоря по правде, он ими жил. В этом был секрет его успеха. Он мог по нескольку дней спать урывками, но энергия была ключом. Ему не нужны были витамины, только материал для репортажа.

Однако с ней все было иначе. Он стремился к победе, зная, что цель пока недостижима. «Пока», – мрачно решил он и снова затянулся. Если нужно осадить крепость по имени Оливия Кармайкл, он именно так и сделает. Она от него не уйдет.

– Ты Си, разбойник! Как дела?

Торп повернулся и пожал руку пресс-секретарю канадского посла. «Успешная осада потребует немало времени, – подумал он. – А жизнь тем временем течет без остановок».

Ливи не спеша обновляла макияж, хотя в этом не было необходимости. Пудря нос, она пыталась хоть как-то понять свое отношение к Торпу. Он, несомненно, привлекателен как мужчина, неохотно признала она. Она только что ощутила это на себе. Но при этом, боже, как с ним трудно, просто до отчаяния. «Этот напыщенный павлин мне нравится», – с ужасом заключила она.

В зеркале Ливи увидела двух вошедших женщин. Одна была член конгресса Эмили Тэкстер, худощавая, немодно одетая женщина-работяга. Избиратели любили ее настолько, что послали в конгресс на второй срок абсолютным большинством голосов. Женщина, которая вошла вместе с ней, тоже лет пятидесяти, в элегантном сером шелковом платье, была полнее. Ее лицо показалось Ливи знакомым. Они о чем-то говорили. Ливи опять вынула компакт-пудру и прислушалась.

– Вы более терпимы к людям, чем я, Майра. – Эмили села на стул и устало вытатила гребенку.

– Род – неплохой малый, Эмили. – Майра тоже села и достала ярко-красную губную помаду в серебряном футляре. – И если бы вы были с ним поласковее, он, возможно, оказал бы вам содействие.

– Его не интересуют экологические проблемы Южной Дакоты, – заметила Эмили. Она не спешила причесаться, постукивая гребенкой по ладони.

– Поэтому, что бы мы ни говорили ему сегодня, он не поддержит меня.

– Посмотрим. – Майра стала щедро красить губы.

«Род, – догадалась Ливи, вынимая из сумочки кисточку, – это Родерик Мэтт, один из наиболее влиятельных членов конгресса. Тоже напыщенный павлин», – подумала она и подавила усмешку. Тем не менее он был главным кандидатом от своей партии на президентский пост на следующих выборах. По крайней мере ходили такие слухи.

Эмили что-то буркнула и сунула гребенку в сумочку.

– Он ограниченный, узколобый зануда...

– Дорогая моя... – Майра прервала страстную речь подруги и с улыбкой обратилась к Ливи: – Ваше платье сногшибательно, – сказала она сладким голосом.

– Спасибо.

– Вы были с Ти Си?

Майра вынула флакончик дорогих духов и щедро надушилась. Видимо, она вообще предпочитала и косметику, и парфюмерию в больших дозах.

– Да, мы пришли вместе.

Ливи колебалась, не зная, что лучше, представиться или промолчать. Подумав, она сочла, что будет и благоразумнее, и честнее вручить свои верительные грамоты.

– Я Оливия Кармайкл из Вашингтонского отделения «Новостей».

Эмили что-то проямлила, а Майра невозмутимо продолжала:

– Как интересно, но я не смотрю местное телевидение. Я люблю передачи Ти Си. «Новости», знаете ли, вызывают у Герберта несварение желудка.

Судья Герберт Дитмайер. Ливи наконец поняла, кто с ней говорит. Жена судьи Дитмайера, Майра. Женщина, которая обладала такой властью и влиянием, что могла критиковать кого угодно, не опасаясь последствий.

– Мы выходим в эфир в пять тридцать, миссис Дитмайер, – любезно сообщила Оливия. – Может быть, ваш супруг сочтет нашу передачу удобоваримой.

Майра засмеялась, при этом внимательно разглядывая Оливию.

– Я знаю Кармайклов из Коннектикута. Вы не младшая дочь Тайлера?

Ливи давно привыкла к тому, что многие знакомые отца не знают, как ее зовут.

– Да, это я.

Лицо Майры просияло.

– Это поразительно. Когда я вас видела в последний раз, вам было лет семь или восемь. Ваша матушка устроила маленькое светское чаепитие. И тут вы явились в гостиную – с дыркой на юбке и без пряжки на туфле. По-моему, вам здорово попало за это.

– Как обычно, – согласилась Ливи. Она не помнила именно этот случай, но подобных было немало.

– Я еще тогда подумала, что вы, наверное, гораздо веселее провели тот день, чем мы все, вместе взятые. Прием у вашей матушки был ужасно скучным.

– Майра... – оторвавшись от размышлений о своем законопроекте, неодобрительно одернула ее Эмили.

– Ничего страшного, миссис Тэкстер, – успокоила ее Ливи. – Она, кажется, до сих пор устраивает именно такие приемы.

– По правде говоря, я бы вас теперь не узнала. – Майра встала и отряхнула юбку. – Элегантная молодая женщина. Замужем?

– Нет.

– Вы и Ти Си?... – Она деликатно оставила фразу незаконченной.

– Нет, – твердо ответила Ливи.

– Вы играете в бридж?

Ливи удивилась:

– Плохо. Я так и не увлеклась этой игрой.

– Моя дорогая, эта игра отвратительная, но полезная. – Майра извлекла из сумочки визитную карточку и подала ее Ливи. – На следующей неделе я устраиваю карточный вечер. Позвоните в понедельник моей секретарше, она вам все подробно объяснит. У меня есть племянник, которого я очень люблю.

– Миссис Дитмайер...

– О, он не станет вам слишком надоедать, – продолжала Майра невозмутимо. – А мне вы, пожалуй, понравились. Мой муж тоже будет. Он с удовольствием с вами познакомится.

Майра была достаточно умна, чтобы знать, какой наживкой заманить репортера.

Эмили устало поднялась.

– Пойдем в зал, – предложила она, – пока тебя не обвинили в попытке дать взятку. До свидания, мисс Кармайл.

– До свидания, мэм.

Оставшись одна, Ливи с минуту повертела перед глазами маленькую изящную карточку, потом опустила ее в сумочку. Не следовало пренебрегать личным приглашением Майры Дитмайер, даже если это включало в себя бридж и племянника. Щелкнув застежкой сумки, Ливи тоже вернулась в зал приемов.

– А я уж думал, вы проводите там пресс-конференцию, – заметил Торп, предлагая ей еще бокал вина.

Ливи посмотрела на него с загадочной улыбкой:

– Что-то вроде этого.

– Может быть, расскажете подробнее?

– Разве это включено в программу?

Ливи беззаботно потягивала вино. Она чувствовала себя необычайно бодрой и жизнерадостной. Три перспективных знакомства за один вечер сполна оправдывали поездку.

– По правде говоря, мне предстоит свидание с незнакомцем во время партии в бридж.

– Свидание? – Торп нахмурился.

Он успел заметить двух женщин, что вышли из дамской комнаты чуть раньше Ливи.

– Да. Знаете, это когда мужчина и женщина находят в чем-то общий интерес на пару часов.

– Остроумно. Вам здесь еще не надоело?

– По правде говоря, очень.

Ливи допила вино и отдала ему бокал.

– Я возьму ваше пальто.

И он повел ее к выходу.

– Я очень ценю, что вы дали мне возможность повстречаться с нужными людьми, Торп. Они вышли из лифта на ее этаже, и Ливи достала ключи.

– Повстречаться с людьми, – повторил он. – Вы именно так называете свидание?

– Это было не свидание.

– Не думаю.

Торп взял у нее связку и вставил ключ в замок.

– За свое поведение я мог бы получить чашку кофе.

– За пятьдесят центов на улице.

– Ливи...

Он обиженно взглянул на нее.

– Ладно. Хорошие манеры стоят чашки кофе.

– Вы невероятно щедры, – сказал он, отпирая дверь.

Ливи бросила жакет на стул и прошла на кухню. Торп улыбнулся. Время от времени она забывала о своем тщательно выстроенном имидже. Созданная ее усилиями Оливия Кармайл никогда бы не швырнула мех так небрежно – она была для этого слишком утонченной и аккуратной. Еще больше, чем раньше, Торпу хотелось открыть настоящую женщину за тщательно выстроенным образом. Она была сердечна, страстна, обладала чувством юмора, но все было скрыто защитной оболочкой. Для этого должна быть причина, и ему предстояло рано или поздно ее узнать.

«Она любит и умеет сочетать цвета, – решил он. – И получается очень удачно. – Торп заметил это еще раньше в ее манере одеваться. Обстановка квартиры только подтверждала это: ярко-синяя диванная подушка, оранжевая ваза для цветов. – Свидетельство внутреннего горения, – подумал он, и эти быстрые гневные вспышки из той же оперы. Она постоянно подавляла свои страсти, но огонь горел, грозя ежеминутно вырваться наружу. – Недурно бы оказаться рядом с ней именно в такой момент», – усмехнулся про себя Торп.

– Какой кофе вы предпочитаете? – крикнула она из кухни.

– Черный.

Он подошел к стерео и стал перебирать диски.

– От Вана Клиберна до Билли Джоэла, – заметил Торп, когда Ливи вернулась в комнату. – Весьма эклектично.

– Я люблю разнообразие, – ответила она и поставила принесенный поднос на кофейный столик.

– Вот как?

Он улыбнулся на ее взгляд двусмысленно. Ливи начала жалеть, что согласилась угостить его чашкой кофе.

– Как вы развлекаетесь?

Торп сел на диван. Немного поколебавшись, Ливи села рядом. Было бы неудобно торчать на стуле у другой стены. Как-то слишком вызывающе.

– Развлекаюсь? – повторила она и взяла чашку кофе.

– Вот именно.

Он заметил ее нервозность. Ничего, это лучше, чем безразличие. Если она нервничает в его присутствии, это уже что-то значит.

– Например, игра в кегли, собирание марок.

– По правде говоря, у меня нет времени на хобби, – проговорила она, протягивая ему кофе.

Ей было непонятно, почему, выходя из кухни, она чувствовала себя непринужденно, а теперь ощущает неловкость. Торп закурил сигарету и наблюдал за ней. Ливи боролась с детским желанием сбежать от него.

– А для чего у вас есть время?

– Я работаю, – сказала она и пожала плечами. Почему от чашки кофе и безобидной беседы у нее так сильно бьется сердце?

– А по воскресеньям?

– Что?

Она подняла на него взгляд и только тогда поняла свою ошибку. Его потемневшие глаза смотрели на нее в упор.

– По воскресеньям, – повторил он, медленно опуская взгляд на ее губы. – Что вы делаете по воскресеньям? – Он снова смотрел ей в глаза требовательно и дерзко.

Что-то дикое, первобытное разгоралось в ней. Ливи уже давно не чувствовала столь острого, почти невыносимого желания. Торп не ухаживал за ней, не притрагивался к ней. Только кофе и разговоры. «Я слишком много выпила», – сказала она себе и тряхнула головой, словно так просто можно было избавиться от переполнявших ее ощущений.

– В основном стараюсь наверстать упущенное в чтении. – Ливи смотрела на проплывавшую мимо струйку дыма. Торп погасил сигарету. – Люблю детективы.

Торп взял чашку из ее руки, поставил ее на стол и, наклонившись ближе, тихо произнес:

– И я всегда любил разгадывать загадки. Докапываться до того, что скрывается за масками, которые мы носим. У вас очень тонкая кожа. – Торп слегка погладил пальцем ее щеку. – Вы холодны и аристократичны, но что под этим скрывается, еще вопрос. Не так ли?

Ливи отодвинулась.

– Я не хочу, чтобы вы лезли мне в душу.

– В таком случае отложим это на потом. – Он обнял ее. – Я хочу держать вас в объятиях. Когда мы танцевали, я дал себе слово, что непременно обниму вас, когда мы останемся одни.

«Тебе вовсе не нужны его объятия», – твердил рассудок. Но она промолчала и не сопротивлялась, когда Торп прижал ее к себе.

Торп тихонько провел пальцем по ее губам.

– Я уже столько дней желал прикоснуться к ним снова. – Он на мгновение прижал свои губы к ее рту. – Очень долго желал, – тихо сказал он.

«Не надо, чтобы он тебя целовал», – настаивал рассудок. Но она опять промолчала.

На этот раз Торп не был терпелив. Внезапное яростное желание было неистовым. Ливи вспыхнула мгновенно, оглушенная молниеносным взрывом чувств, которые столько лет были спрятаны за семью замками. У нее не было сил ни думать, ни рассуждать, она могла только идти за своими страстями. Ее руки сомкнулись вокруг его шеи. Губы раскрылись.

Откуда взялось это неотступное желание? Они оба попали в его ловушку и не в состоянии были сдерживаться или обдумывать последствия. Все разом пошло к черту. Ливи не могла остановить ни его, ни себя. Торп совершенно забыл о своем намерении терпеливо ждать. Отчаянный порыв охватил их. Неудержимое стремление касаться, чувствовать, принадлежать. Он не ожидал, что ее рот станет таким нежным и жаждущим. Ему захотелось сорвать с нее платье и взять ее прямо сейчас, на диване. Это было безумие. Он окончательно потерял самообладание.

Когда его рот коснулся ее шеи, Ливи застонала. Волны желания накрыли ее с головой. Как в полусне услышала она свой голос, требовавший новых ласк. Когда он коснулся ее груди, Ливи прижалась к его ладоням. Она сама потянулась к его рту.

Она умирала от голода и брала то, в чем так долго себе отказывала. Она жаждала еще большей близости, хотела ощутить, как его сильные руки станут двигаться по ее телу ниже, к талии, бедрам. И чтобы им не мешало это дурацкое платье. Накал ответной страсти, которую Торп пробудил в ней, испугал Ливи. Она не могла себе позволить желать любви. Риск был чересчур велик, а кара слишком сурова.

– Нет! – Ливи в страхе отпрянула. – Нет! – повторила она, отталкивая его.

Торп положил руки ей на плечи. Ливи читала вожелание в его глазах и знала, что это отражение ее собственных желаний.

– Почему нет?

В его хриплом голосе звучали и обида, и страсть. Он не ожидал, что она пробудит в нем такое неистовое, почти животное желание.

– Вы должны уйти.

Ливи высвободилась и встала. Ей важно было почувствовать себя на ногах. Когда он не прикасался к ней, как будто становилось легче.

Торп медленно поднялся.

– Я хочу вас. Вы хотите меня, – проговорил он нарочито спокойным и бесстрастным тоном, стараясь унять бившую его дрожь.

Отрицать это было глупо. Ливи сделала глубокий вдох.

– Я не хочу вас хотеть! – выпалила она, не заботясь о слоге. Главное было выражено верно. – Не хочу и не буду, – добавила она уже не так уверенно.

Торп не выдержал. Он резко схватил ее и прижал к себе. Зрачки ее расширились от страха.

– Черта с два, не будешь, – сказал он тихо.

Он отпустил ее так внезапно, что она едва не упала на диван, и сунул руки в карманы, подальше от искушения.

– Это еще не все, Кармайкл, – усмехнулся он. – Это только начало.

Он захлопнул за собой дверь и пошел к лифту. Ему надо было выпить.

4

– Пленку о заседании школьного совета еще монтируют.

Прежде чем проверить текст вечернего выпуска «Новостей», Ливи взглянула на часы. «У меня осталось бы больше времени, если не надо было бы заниматься озвучиванием рекламных роликов», – подумала она.

– Знаешь, сколько сообщений у нас сегодня?

Брайен развернул шоколадку и уселся на стол Ливи.

– Ну?

– Восемнадцать. – И он отломил изрядный кусок плитки. – И все должно уложиться в одну передачу. Главный в ярости из-за того, что мы потеряли пару очков в рейтинге. По слухам, он собирается изменить тональность прогноза погоды. Собирается повеселить зрителей. Может быть, наймет комика?

– Ага, или фокусника вместе с чревоушателем, – проворчала Ливи.

Подобные ухищрения на потребу публики ее раздражали. Разговаривая с Брайеном, она в то же время пробегала глазами график «Новостей», с которыми ей надо было сейчас выходить в эфир.

– Но, может быть, для разнообразия действительно неплохо, какая-то разрядка. – Брайен скомкал обертку и бросил в корзину для бумаг. – Главная новость – изнасилование на автостоянке супермаркета.

– Знаю.

Ливи одновременно читала текст, поглядывала на часы и разговаривала с Брайеном. Такие навыки журналисты приобретали быстро.

– Мэрили щелкнула там страшноватые кадры. Я только что видел пленку. – Он доел шоколад. – Проклятье. Моя жена ездит туда за покупками.

– Сегодня все новости как на подбор, одна мрачнее другой. – Ливи потеряла затылок. – Оптовые цены поднялись на шесть процентов, безработица тоже выросла. И вдобавок к изнасилованию два ограбления в Северо-Восточном районе и поджог в графстве Энн-Арундел. Очень мило.

– Ну как не повеселить зрителя хоть прогнозом погоды? – подхватил Брайен.

– Хочу нарциссы, – неожиданно вырвалось у Ливи.

На нее вдруг навалилась усталость. «Неужели из-за этой подборки ужастиков?» – удивилась она. Но ведь за время работы у нее уже выработался к ним иммунитет. Может быть, от чего-нибудь другого? Что-то мучило ее уже несколько дней. Она плохо спала после того, как Торп ушел вчера вечером.

Брайен несколько секунд внимательно рассматривал ее лицо. Он еще утром обратил внимание на легкие тени у нее под глазами. Теперь было уже пять часов, и тени углубились.

– Не хочешь поделиться?

Ливи удивленно открыла рот. Потом закрыла – рассказать она ничего не могла.

– Я заметил, что последнее время тебя что-то грызет.

Он наклонился к ней поближе, чтобы другие не услышали.

– Слушай, приходи к нам сегодня обедать. Я позвоню Кэти и скажу, чтобы она подлила в суп воды. Пара часов с друзьями иногда здорово помогает.

Ливи улыбнулась и сжала его руку.

– Это самое приятное приглашение, какое только может быть.

– В таком случае не отказывайся.

– Увы, придется. У меня на сегодня кое-что уже намечено.

Но приглашение Брайена согрело ей душу. Она почувствовала себя не такой одинокой.

– Может, оставишь приглашение в силе на будущее?

– Конечно.

Брайен встал, но Ливи задержала его.

– Большое спасибо, Брайен. – Она сжала его руку. – Я говорю серьезно.

– Не за что. – Он помог ей встать. – До эфира осталось всего ничего. Зайди в гримерную и попроси их что-нибудь сделать с твоими синяками.

Ливи инстинктивно провела пальцем под глазами.

– Неужели так скверно?

– Достаточно.

Ливи тихонько чертыхнулась и заторопилась. Только этого ей не хватало – плохо выглядеть на экране. И уж совершенно ужасно, если Торп увидит передачу и поймет, что она не спала всю ночь.

«Да, я плохо спала, но это не имеет никакого отношения к Торпу, – уговаривала себя Ливи. – Просто я в последнее время немного нервничаю. К тому же в восемь часов утра я уже была у Белого дома, чтобы узнать мнение правительственных чиновников. Конечно, я устала, но Торп тут ни при чем». Все это было глупо и смешно. Мало кому помогают столь неубедительные внутренние монологи.

Ливи закрепила микрофон и в последний раз просмотрела текст. Было важно точно распределить время, так как сообщения следовали одно за другим беспрерывно.

Она слишком много работает. Последние несколько дней были особенно суматошными – вот и все. Ти Си Торп меньше всего занимает ее мысли. Нахмурившись, она смотрела на текст, продолжая про себя бессмысленный спор неизвестно с кем. Она вовсе не думает о Торпе. С тех пор она ни разу о нем не вспомнила. Ни единого раза. Совсем ни разочка. Интересно, сколько получится в сумме?

Злясь на себя, она увидела, как вспыхнула красная сигнальная лампочка. Тридцать секунд до включения – Ливи выпрямилась и посмотрела в камеру. И краем глаза увидела, что у входа в студию, прислонившись к тяжелым дверям, стоит Торп. О господи! Это, наконец, навязчиво, кошмар какой!

Пятнадцать секунд.

Что он здесь делает?! У Ливи пересохло в горле. «Смешно, – подумала она, – сейчас начну кашлять и запинаться, как девчонка». Отведя глаза от Торпа, Оливия сосредоточилась на камере.

Десять секунд.

На экране монитора появился вступительный кадр – панорама города с большой высоты.

Пять секунд. Четыре, три, две, одна. Включение!

– Добрый вечер, с вами Оливия Кармайл. – Ее голос звучал спокойно и четко, но она с удивлением отметила, что ладони у нее влажные. Она зачитала первое сообщение и не оглянулась, когда стали прокручивать пленку, снятую на месте происшествия.

Камеры в быстром темпе металась от Ливи к Брайену и обратно. Она прочла еще что-то, все так же размеренно и четко, хотя просто физически ощущала взгляд Торпа на своем лице. Затем пошла безрадостная информация об индексе оптовых цен.

Насколько Ливи знала, Торп никогда не приходил к ним в студию, тем более во время передачи. Почему он не у себя наверху? Сидел бы, оттачивал собственные мудрые сентенции. У нее заломило в затылке. Неприятное ощущение усилилось во время рекламной паузы. Не оборачиваясь, она уже знала, что Торп направляется к ней.

– Хороший стиль, Ливи, – заметил он. – Сдержанный, чистый, без малейшего изъяна.

– Спасибо.

В конце стола занял свое место спортивный комментатор.

– Собираетесь сегодня на карточный вечер к Дитмайерам?

«От него ничего не скроешь», – подумала Ливи и сложила руки на столе.

– Да.

– Подвезти вас?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы тоже там будете?

– Я заеду за вами в семь тридцать. Пообедаем где-нибудь.

– Нет.

Он наклонился к ней поближе.

– Я могу устроить так, что вы будете моей партнершей.

– В таком случае вы проиграете.

Еще никогда рекламная пауза не продолжалась так долго.

– Ни в коем случае, – возразил он и улыбнулся, – я не умею проигрывать.

И, опередив все ее возражения, он чмокнул ее в щеку и поспешно удалился.

Тридцать секунд.

Когда дверь за ним захлопнулась, Ливи закатила глаза. Даже не оборачиваясь, она чувствовала устремленные на нее многозначительные взгляды. Торп сумел весьма успешно раскрутить колесо сплетен. Теперь все будут чесать языки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.